

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГУМАНИТАРНОГО СОДЕРЖАНИЯ НОРМ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Уголовная политика, основным содержанием которой является совокупность принципов борьбы с преступностью¹, должна быть законной, справедливой и, конечно же, гуманной. Еще четверть века тому назад А.М.Яковлев с полным основанием утверждал, что без законного наказания правосудие было бы бессильным, без справедливости – неправосудным, а без гуманизма – бесчеловечным².

Прежде всего надо указать на то, что *все* уголовное законодательное характеризуется гуманитарным содержанием, ибо главная его направленность – охрана прав человека от преступлений, причем это такая охрана, которая осуществляется средствами, сопряженными с обусловленным состоянием общества определенным минимумом ограничений, налагаемых на совершающих преступления лиц. Сказанное самым непосредственным образом вытекает из принципа гуманизма, установленного статьей 7 Уголовного кодекса РФ.

Гуманитарное содержание уголовного законодательства составляют, во-первых, нормы, охраняющие прежде всего законопослушных граждан, их права и свободы, в том числе от преступлений, а во-вторых, нормы, охраняющие права и законные интересы лиц, провинившихся перед обществом, вступившими в конфликт с уголовным законом. Лица, совершившие преступления – не вне закона. Как и любые другие лица, они обладают всей полнотой прав в части охраны их законных интересов от преступлений и иных правонарушений³.

¹ См.: Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. – М.: ИН-ФРА-М, 2008. – С. 77.

² См.: Яковлев А.М. Принцип социальной справедливости и основания уголовной ответственности // Советское государство и право. – 1982. – № 3. – С. 93.

³ В юридической литературе принцип гуманизма подчас ошибочно трактуется как проявление гуманного отношения прежде всего к лицам, совершающим преступления (см., например: Ююкина М.В. Принцип гуманизма в уголовном, уголовно-исполнительном праве и уголовной политике и его реализация при назначении наказания. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов: Тамбовский государственный университет, 2006. – С. 7-8.), тогда как ст. 7 УК РФ, устанавливающая данный принцип, первостепенное внимание уделяет (в ее ч. 1) обеспечению безопасности человека. И, надо полагать, ... обеспечению безопасности человека (заметим: не лица, совершившего преступление, а именно «человека») именно от преступлений, а не, скажем, от «происков» государства.

Внимательное изучение уголовного законодательства позволяет прийти к выводу о том, что его гуманитарное содержание – все еще не отработано, характеризуется множеством пробелов. К тому же, проблема восполнения пробелов в гуманитарном содержании уголовного законодательства, к сожалению, еще не привлекает к себе должного внимания исследователей. Последние больше интересуются вопросами, находящимися на поверхности данной проблемы, в том числе касающимися стабилизации правопорядка, повышения эффективности уголовно-правовых норм, частоты их применения, коэффициента раскрываемости преступлений и др. В связи с этим основное содержание высказываемых юристами-аналитиками предложений направлено на *расширение* сферы уголовно-правового реагирования и на *повышение* его строгости. Но, как показывает опыт практической уголовной политики, путь этот – тупиковый. Ставка преимущественно на силовые методы *не приводит* к ожидаемым результатам. Поэтому там, где это возможно, наказания должны все же смягчаться – даже, может быть, в условиях некоторого обострения криминальной обстановки. Другое дело, что в этом случае необходимо активизировать усилия по осуществлению соответствующих предупредительных мер.

Необходимость гуманизации уголовного законодательства обусловлена не только статьей 7 УК РФ, установившей гуманизм в качестве принципа данного законодательства, но и общим гуманитарным предназначением права, прямо вытекающим из ст. 2 Конституции РФ, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью. Защищая человека, его права и свободы от преступлений и иных правонарушений, закон *должен «думать»* и о тех людях, которые нарушили закон – с тем, чтобы не переусердствовать (в своем «праведном гневе»), не «пережать» или, как говорят, не «перегнуть палку». Иначе и человек не будет надежно защищен, и правопорядок не станет прочнее. Прошло то время, когда считалось, что «надо брать пошире, а потом можно отфильтровать...», «чем больше расстреляем... – тем лучше...» и т.д.

Сегодня стало совершенно очевидным, что чем в большей мере криминализовано наше население – тем, конечно же, становится хуже. И дело здесь за-

ключается не только в том, что «тюрьмы не лечат, а калечат», но и в том, что увеличение численности криминализованного населения (особенного населения пенитенциарного, «тюремного») существенно ухудшает и без того неприглядное морально-нравственное состояние нашего общества.

Совершившие преступления люди вроде бы не уходят в «небытие», но их реальное «бытие» становится крайне непривлекательным. Ведь каждая исправительная колония, несмотря на значительные усилия и большие средства, затрачиваемые обществом на ее содержание, в силу только одного того факта, что в ней собирается вместе множество криминализованных лиц (до тысячи и более), вольно или невольно превращается в своеобразную «школу преступности», в «форму повышения квалификации» осужденных, в фактор пополнения и углубления их и без того довольно внушительного криминального опыта.

Надо внимательнейшим образом посмотреть, где можно без ущерба для правопорядка смягчить участь оступившихся в жизни людей, или, может быть, даже вообще отказаться от использования уголовно-правовых средств. В свете сказанного представляется целесообразным осуществить, в частности, следующие законодательные преобразования.

Необходимо, в частности, более четко сформулировать в части первой статьи второй Уголовного кодекса РФ *задачи* данного Кодекса. Это может быть сделано, например, в следующем виде: «Задачей Уголовного кодекса Российской Федерации является охрана от преступлений важнейших ценностей жизни, а именно человека, его прав и свобод, экономического, общественного и конституционного порядка, мира и безопасности человечества. Настоящий Кодекс имеет своей задачей также предупреждение, предотвращение и пресечение преступлений». Предпочтительность предложенной формулировки состоит, в частности, в том, что она более компактна и более понятна тем, кому уголовное законодательство в первую очередь адресует свои требования.

Согласно внесенным учеными предложениям⁴ Федеральным законом № 153-ФЗ от 27 июля 2006 года в ч. 3 ст. 12 Уголовного кодекса РФ внесена важная поправка, в соответствии с которой иностранные граждане и лица без гражданства, не проживающие постоянно в России, совершившие преступления вне пределов нашей страны, подлежат уголовной ответственности по УК РФ не только в случаях, если преступление направлено *против интересов Российской Федерации*, но и в случаях, если оно направлено *против гражданина России или постоянно проживающего в нашей стране лица без гражданства*. Однако совершенно очевидно, что в данной норме в соответствующем контексте следовало также закрепить сферу российской уголовно-правовой юрисдикции и применительно к случаям совершения за рубежом преступлений, посягающих на *права, свободы и законные интересы* данных лиц.

Часть первую статьи 13 УК РФ предлагается изложить в таком виде: «Граждане Российской Федерации, *а также постоянно проживающие на территории Российской Федерации лица без гражданства, совершившие преступления за рубежом, в том числе против интересов другого государства*, не подлежат выдаче» (здесь и далее курсивом выделены предлагаемые к включению в закон слова). Данное предложение продиктовано чувством заботы, во-первых, о постоянно проживающих на территории России лицах без гражданства, а во-вторых, о российских гражданах, которые не должны выдаваться не только «этому» (как сказано в ст. 13 УК РФ), но и любому иному государству. Последний вывод непосредственно вытекает из содержания части 1 статьи 61 Конституции РФ, где говорится о том, что «гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству». Полагаем, что в данной конституционной норме (как и в ч. 2 ст. 61 Конституции РФ, где речь идет о том, что «Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за ее пределами») следовало бы

⁴ См.: Мальцев В. Принцип справедливости в уголовном законодательстве // Уголовное право. – 2004. – № 2. С. 47-48.

упомянуть также о постоянно проживающих в нашей стране лицах без гражданства.

Статью 15 УК РФ имеет смысл дополнить частью шестой следующего содержания: «Запрещенное уголовным законом деяние, в отношении которого принято основанное на законе решение об освобождении совершившего его лица от уголовной ответственности, именуется уголовными проступками. Лица, совершившие проступки, могут быть подвергнуты таким мерам уголовно-правового воздействия, как порицание, предупреждение или надзор. Они также могут подвергаться взамен уголовного наказания наказанию, налагаемому в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях за сопоставимые деяния». Реализация внесенного предложения, непосредственно связанного с задачами осуществления высказывавшейся ранее идеи принятия Кодекса уголовных проступков, несомненно, сузит сферу судебной практики, ориентированной преимущественно на лишение свободы⁵.

Статью 20 УК РФ предлагается дополнить частью четвертой следующего содержания: «Лица, совершившие запрещенные настоящим Кодексом деяния, в возрасте, не допускающем уголовной ответственности, но все же позволяющем осознавать опасность совершенных ими деяний, могут быть подвергнуты порицанию, предостережению или надзору, являющимся мерами общественно-правового характера, или направлены в специализированные воспитательные учебные заведения». Именно так («специализированные воспитательные учебные заведения») предлагается именовать учреждения для малолетних «правонарушителей».

Часть вторую ст. 21 УК РФ лучше изложить в такой редакции: «Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом деяние в состоянии невме-

⁵ См.: Коротенко А.Н. Структура законодательства о преступлениях в сфере экономики. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2007. – С. 13. Представляется заслуживающей внимания появившаяся в последние годы терминологическая традиция именовать уголовные проступки уголовно-правовыми деликтами (см., например: Питецкий В. «Деликты упущения» в уголовном праве: сущность, объективные и субъективные признаки // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 45- 49; Ситникова А. Приготовление к преступлению как внестадийный уголовно-правовой деликт // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 63-66). Преимущество данного термина перед термином «проступок» несомненно, так как он не охватывает собой сугубо аморальные деяния, не имеющие отношения к уголовному праву – во всяком случае непосредственно, а следовательно, его использование придает большую четкость линии, отделяющей сферу преступного поведения от сферы поведения непроступного.

няемости *и нуждающемуся в лечении*, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом». Понятно, что деяние, совершенное лицом, признанным невменяемым, не может рассматриваться как общественно опасное, так как общественная опасность – это свойство исключительно преступлений. И принудительные меры медицинского характера должны применяться только к тем невменяемым, которые по состоянию своего здоровья нуждаются в этом.

Статью 22 УК РФ предлагается изложить в такой редакции:

«Статья 22. Уголовная ответственность лиц с легким психическим расстройством, не исключающим вменяемости

Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления *находилось в состоянии легкого психического расстройства, не исключающего вменяемости, привлекается к уголовной ответственности, но при назначении наказания данное обстоятельство учитывается как смягчающее, а лицу, нуждающемуся в лечении, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера*». Без указания в уголовном законе о смягчении участи больных и без ссылки на зависимость применяемых к ним принудительных мер лечения от характера заболевания данный закон воспринимается как не разборчивое, «слепое» средство решения проблем правопорядка⁶.

Статью 23 УК РФ рекомендуется изложить так: «Лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных или других одурманивающих веществ, *и признанное вменяемым*, подлежит уголовной ответственности. *Если состояние опьянения лица свидетельствует о более низкой степени вины лица, то назначаемое ему судом наказание должно быть смягчено, однако не в такой мере, чтобы принятое решение воспринималось общественным мнением как попустительство преступлениям, совершенным в состоянии опьянения*». Понятно,

⁶ Представляется в данной связи ошибочной позиция Р.Р.Тунгушева, полагающего, что сам по себе факт легкого психического расстройства, не исключающего вменяемости, не может рассматриваться как смягчающее наказание обстоятельство, так как в этом случае возможны якобы «отрицательные последствия в смысле общей и частной превенции» (см.: Тунгушев Р.Р. Невменяемость: Уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2003. – С. 10).

что состояние опьянения не только не «прибавляет ума» человеку, но напротив – «убавляет его», причем порой весьма существенно. Игнорировать данное обстоятельство, конечно же, нельзя, хотя, заметим, многие исследователи почему-то склонны признавать лиц, находящихся в состоянии опьянения, трезвыми и соответственно требовать с них за совершенные деяния сполна⁷.

Часть вторую статьи 26 УК РФ предлагается сформулировать в редакции: «Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований *и при отсутствии ситуации, которая состояла бы в несоответствии психофизиологических качеств лица требованиям экстремальных условий и (или) его нервно-психологическим перегрузкам*, самонадеянно рассчитывало на предотвращении этих последствий». Реализация данного предложения позволила бы более отчетливо провести в уголовном законодательстве линию, отделяющую виновное поведение от поведения невиновного.

Статью 27 УК РФ целесообразно изложить в такой редакции:

«Статья 27. Преступление, совершенное с двумя формами вины

Преступление признается совершенным с двумя формами вины, если оно совершенно умышленно, но вина в отношении предусмотренного в качестве квалифицирующего признака общественно опасного последствия выражается в форме неосторожности. Умышленным такое преступление признается лишь в основной его части». Данное предложение вызвано необходимостью избежать той усложненной законодательной конструкции «двойной» вины, которая наблюдается в нынешней редакции анализируемой нормы.

Статью 28 УК РФ важно дать в следующей редакции:

«Статья 28. Деяние, совершенное невиновно

Деяние признается совершенным невиновно при отсутствии вины, то есть умысла или (и) неосторожности». Аргумент в данном случае – тот же

⁷ См., например: Бабанов А.С. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2002. 24 с.

самый: стремление избежать неоправданно сложной законодательной конструкции.

Статью 29 УК РФ важно было бы дополнить частью четвертой следующего содержания: *«Сами по себе намерения, даже если они выражены словесно, не наказуемы, если, разумеется, словесное их выражение не дополняется действиями, образующими состав какого-либо преступления, в том числе такого, как, например, уголовно-наказуемая угроза, преступные призывы, подстрекательство, пособничество, склонение к совершению определенных действий, клевета или оскорбление»*. Такое положение служило бы дополнительной гарантией того, что возврата к состояниям, характеризующим в народе как «Был бы человек – статья найдется» (вариант: «Закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло»), нет.

Часть пятую статьи 33 УК РФ предпочтительно изложить так: *«Пособником признается лицо, способствовавшее совершению преступления»*. Попытка перечислить в законе *все* виды пособнических действий не может быть удачной. Да она, собственно, и не нужна, так как уголовное законодательство не может быть *зеркальным* отражением криминальных действий. Он есть их лишь *типизированный образ*, не позволяющий криминальным элементам использовать уголовное законодательство в качестве «пособия» по вопросам содействия совершению преступлений.

Главу 8 УК РФ представляется целесообразным дополнить статьями 42¹, 42², 42³, 42⁴, 42⁵, 42⁶ и 42⁷, которые предусматривали бы соответственно такие обстоятельства, исключающие преступность деяния, как исполнение закона, исполнение законного решения, осуществление профессиональных обязанностей, осуществление своего права, исполнение гражданского долга, условия военного времени или боевой обстановки, согласие пациента на проведение сложной хирургической операции, благоприятный исход которой не может быть гарантирован на все сто процентов. При этом требуют определенной модификации и статьи 37-42 УК РФ, регламентирующие, так сказать, базовые обстоятельства, исключающие преступность деяний. В этих нормах важно более

отчетливо провести линию, отделяющую данные обстоятельства, от ситуаций, при которых нарушаются условия правомерности соответствующих действий, формально образующих составы тех или иных преступлений. Возможно, здесь понадобятся дополнительные статьи («статьи-спутники» – 37¹, 38¹ и т.д.), которые специально посвящались бы решению такого рода вопросов⁸.

Часть вторую статьи 43 УК РФ – изложить так: «Наказание применяется в целях восстановления *нарушенной преступлением справедливости*, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений – *как осужденным, так и другими лицами, которые в условиях безнаказанности могли бы их совершить*».

Настала пора пункт «н» статьи 44 УК РФ и статью 59 УК РФ, содержащие упоминание о смертной казни, признать утратившими силу. Соответственно предлагается исключить упоминание о смертной казни в санкциях части второй статьи 105, а также статей 277, 295, 317 и 357 УК РФ. Как свидетельствует изучение практики вынесения смертных приговоров за рубежом (в частности, в США), она практически никак не влияет на состояние преступности⁹.

Часть вторую статьи 46 УК РФ удачнее было бы сформулировать так: «Штраф устанавливается в пределах *от одной тысячи рублей до величины одного месячного дохода осуждаемого лица*». В нынешнем виде данная норма предусматривает под видом штрафа по существу завуалированную форму конфискации имущества, так как установленный законом размер его непомерно велик – «...в размере от двух тысяч пятисот до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух недель до пяти лет». Согласно строгим канонам теории уголовного права штраф может распространяться только на текущие доходы осужденных, а не на их долговременные накопления (как это могло бы иметь место при конфискации).

⁸ В данной связи заслуживает внимания предложение Д.В.Перцева о дополнении УК РФ статьей, специально посвященной мнимой обороне (см.: Перцев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны. Дис... канд. юрид. наук. – Калининград: Калининградский государственный университет, 2004. – С. 150).

⁹ См.: Квашиш В. Современные тенденции в практике вынесения смертных приговоров в США // Уголовное право. – Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 101-105.

Перечень смягчающих наказание обстоятельств предлагается дополнить указанием на *совершение преступления женщиной*, а перечень отягчающих наказание обстоятельств – указанием на *совершение преступления в отношении женщины* (ст. 61 и 63 УК РФ).

Предлагается установить правило, в соответствии с которым пределы наказания, назначаемого несовершеннолетним, сокращались бы наполовину, а взрослым (то есть лицам, достигшим, как минимум, 18-летнего возраста) женщинам – на треть¹⁰.

Главу 11 УК РФ («Освобождение от уголовной ответственности») целесообразным дополнить статьей 78¹ следующего содержания: «Лица, освобожденные от уголовной ответственности и (или) наказания на предусмотренном законом основании, а также отбывшие за совершенные преступления наказания, признаются в юридическом смысле не совершавшими преступления». Такая юридическая фикция – крайне необходима, так как было бы несправедливым, «отменив» уголовную ответственность за совершенное преступление, не «отменить» само преступление.

Статью 86 УК РФ, устанавливающую институт судимости – признать утратившей силу. Судимость, имеющая своим главным назначением устранение отрицательных последствий совершенных преступлений, в нынешних условиях значительно исчерпала себя. Лицо, полностью отбывшее наказание, как равно и лицо, освобожденное от него на законном основании, должно считаться не совершавшим преступления. Такая юридическая фикция необходима для утверждения правды бытия, состоящей в том, что человек, опорочивший себя неблагоприятным поступком, не может считаться порочным в течение всей оставшейся жизни. Исполнение наказания есть искупление вины, избавляющее

¹⁰ Заслуживают внимания высказываемые в юридической литературе предложения о включении в уголовное законодательство положений о применении в отношении отдельных категорий лиц так называемых альтернативных мер (см., например: Черненко И.В. Особенности уголовной ответственности и альтернативных ей мер в отношении несовершеннолетних. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск: Томский государственный университет, 2006. – 24 с.).

человека от ощущения порока и порочности, и государству с этим фактом надо все же считаться¹¹.

Главу 15¹ УК РФ («Конфискация имущества») – признать утратившей силу, так как существующий процессуальный инструментарий сам по себе вполне пригоден для изъятия у осужденного имущества, полученного преступным путем.

¹¹ Авторы, отстаивающие институт судимости (см., например: Грамматчиков М.В. Судимость: исторический, уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2002. – 23 с.), похоже, на задумываются о том, что в принципе *аморально* упрекать лицо, искупившее вину исполненным в отношении его наказанием, в том, что когда-то оно совершило преступление. Не может быть «человека с криминальным прошлым», если наказание в отношении совершившего преступление лица отбыто и оно ведет законопослушный образ жизни. Не случайно, что некоторые зарубежные государства, провозгласившие себя в качестве правовых, включают в свои уголовные кодексы нормы об ответственности за упрек лица в совершении преступления, если наказание отбыто.